

Михаил Иванович Пыляев

Исторические колокола

*Часть сборника
Замечательные чудачки и
оригиналы (сборник)*

Михаил Пыляев. Замечательные чудачки и оригиналы //Эксмо, Москва, 2008
ISBN: 978-5-699-26293-9
FB2: "M_Lenny", 2 июня 2011 года, version 1.0
UUID: 6b3f04c0-8d6f-11e0-9959-47117d41cf4b
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Михаил Иванович Пыляев

Исторические колокола

(Старое житье)

«Начало употребления колоколов приписывается египтянам, по словам историков, колокола будто бы употреблялись при священнодействиях в праздники Озириса. Грекам также были известны колокола; у афинян при храмах Прозерпины существовали колокола с тою же целью, как у нас, – ими народ призывался к богослужению. Тибул Страбон и Полиций, жившие за двести лет до Р. Х, говорят о колоколах, а позднее Иосиф Флавий подробно описывает их в своих еврейских антиквариях. В Китае и Японии древность некоторых колоколов нисколько не уступает древности Рима, Греции и даже Иудеи и Египта...»

Содержание

I.....	.0005
II.....	.0056

М. И. Пыляев

Исторические колокола

Колокол – это голос церкви, зовущий издалека и посылающий равномерный привет дворцу и лачуге.

Паоло Мантегацца

Начало употребления колоколов. – Значение слова «колокол». – Клепала и била. – Легенда о Пронском биле. – Сказание о древних новгородских колоколах. – Чугунные, стеклянные, глиняные и деревянные колокола. – Подразделение колоколов. – История набатного или всполошного колокола. – Вечевые колокола. – Колокола красного звона. – Пленные и ссыльные колокола. – Царские золотые и лыковые колокола. – Отливка колоколов. – Замечательные по звуку колокола. – Криптографические надписи на колоколах. – Искусство звонить. – Крещение колоколов. – Надписи на колоколах. – Царь-колокол и его история. – Иван Великий. – Большой Успенский колокол. – Случай при поднятии этого колокола. – Колокола Реут, Вседневный, Медведь, Лебедь, Широкий, Слобод-

ской, Ростовский, Немчин, Глухой и Корсунские зазвонные

Начало употребления колоколов приписывается египтянам, по словам историков, колокола будто бы употреблялись при священнодействиях в праздники Озириса. Грекам также были известны колокола; у афинян при храмах Прозерпины существовали колокола с тою же целью, как у нас, – ими народ призывался к богослужению. Тибул Страбон и Полиций, жившие за двести лет до Р. Х, говорят о колоколах, а позднее Иосиф Флавий подробно описывает их в своих еврейских антиквариях. В Китае и Японии древность некоторых колоколов несколько не уступает древности Рима, Греции и даже Иудеи и Египта.

Слово «колокол», по догадкам некоторых ученых, имеет корень с греческого «калкун», означающее клепало или било. Первые колокола при церквях на западе введены в употребление в конце VI века. Литье первых колоколов приписывают Павлину, епископу Нольскому, что в Кампанье; думают, что от этого и произошло латинское их название *campana* и *pola*.

При христианских храмах колокола, надо полагать, вошли в употребление на Западе не раньше конца VI или начала VII века; существует предание, что когда в 650 году войска Клотария осадили Орлеан, то Орлеанский епископ Луп велел звонить в соборный колокол при церкви св. Стефана; осаждавшие, испугавшись этого звона, приняли его за голос ангела и поспешно сняли осаду города. На Востоке колокола употреблялись весьма редко; при взятии Константинополя турками колокола были уничтожены и сохранились только в немногих местах Сирии и Палестины. Турки запрещали колокола под тем предлогом, что будто бы звук их возмущает покой душ, витающих в воздухе.

Колокола, как у древних, так и у христианских народов употреблялись в разных случаях: звон их призывал народ в храмы, извещал о времени, возвещал о начале действий военных и выступлении войск в поход. В некоторых местах звонили в колокола, когда вели на казнь преступников, случался пожар в городе или смерть царя, епископа и даже частного лица. В небольших городах, как мы уже

заметили, колокола заменялись клепалами, билами или просто досками, как, например, в Греции, где их называли «симандрами»; это были просто деревянные и железные полосы, в которые били палками или колотушками. Подобные доски находились в XII и XIV веках в новгородских и псковских церквях – они и теперь еще употребляются на Алтае и в Сибири в старообрядческих скитах.

В слободе Плотной, составляющей одно из предместий нынешнего города Пронска, на колокольне тамошней приходской церкви, хранится такое древнее било, по преданию, заменявшее некогда в старину вечевого колокол. По рассказам старожилов, это било неизвестно для чего неоднократно переносили из Пронска верст за пять, в село Ельшину, но било опять уходило на старое место в Пронск. Предание говорит, что оно принадлежало женскому монастырю, ныне уничтоженному, бывшему на том самом месте, где теперь сооружена приходская церковь, сохранившая еще доселе чудное било. У этой церкви похоронены многие княжны и княгини Пронские. Било это положено «кладью» в церковь с тем,

чтобы оно принадлежало вечно одной и той же церкви. И, по народному поверью, никакою силою невозможно присвоить била с того места, которому оно завещано.

О колоколах новгородских упоминается с XI века, как это видно из повествования о приходе в Новгород литовского князя Всеслава Брячиславича, снявшего с Софийской колокольни колокола в 1066 году, и из жития преподобного Антония Римлянина, приплывшего в 1106 году во время утрени к Новгороду и слышавшего в нем великий звон.[1] Но колокола эти, вероятно, были другого устройства и едва ли сохранились до нас, хотя и признается преданием в Антониевом монастыре один небольшой колокол за колокол преподобного Антония Римлянина (1147).

О новгородской Филипповской церкви,[2] по случаю слития первого колокола в 70 пудов в 1558 году, сказано: «и не бысть колокола большого и никакова и от создания церкви каменных св. апостола Филиппа и великаго чудотворца Николы 175 лет, а было железное клепало». Также в церковной описи Зверина монастыря за 1682 год показана в числе кле-

пал доска железная. Впрочем, до XIV века еще упоминается о колоколах вечевых и корсунских (Карамзин), а с XIV и XV веков – о нынешних колоколах церковных. Первый из этих колоколов, как известно по летописям, слит в 1342 году к Софийскому собору московским мастером Борисом, по приказанию архиепископа Василия, а в XV веке при архиепископе Евфимии были литы колокола не только церковные, но и часовые.

Что касается XVI и XVII веков, то от этого времени осталось немало колоколов и даже с надписями русскими и иностранными, указывающими на русских и западных колокольных мастеров.

Колокола обыкновенно отливаются из так называемой колокольной меди, состоящей из сплава 78 % чистой меди и 22 % олова. Но бывали примеры, что колокола делались из чугуна, стекла, глины, дерева и даже серебра. Так, в Китае, в Пекине, существует один колокол чугунный, отлитый в 1403 году. В Упсале, в Швеции, есть колокол из стекла, превосходного звука. В Брауншвейге, при церкви св. Власия, хранится как редкость один деревян-

ный, тоже очень старый, лет около трехсот, называвшийся некогда колоколом св. великого пятка; он употреблялся во время еще католицизма, и в него звонили на Страстной неделе. В Соловецком монастыре находятся глиняные колокола, неизвестно когда и кем слепленные.

Колокола у нас существуют многих видов и названий. Так, известны *набатные, вечевые, красные царские, пленные, ссыльные, благовестные, полиелейные, золоченые* и даже *лыковые*; существуют еще небольшие колокола под названием *кандия* или *звонец*. Им дается знать звонарю на колокольню о времени благовеста или звона.

Первый из набатных колоколов висел в Москве, в Кремле, подле Спасских ворот, в настенном шатре или полубашенке;^[3] он назывался также царским, сторожевым и всполошным; в него звонили во время нашествия врагов, мятежа и пожара; такой звон назывался «всполохом» и набатом.^[4] На этой полубашенке висел прежде, как полагали, вечевой колокол, привезенный в Москву из Великого Новгорода, после покорения его Иоан-

ном III. Существует предположение, что Новгородский вечевой колокол был перелит в Московский набатный, или всполошный в 1673 году. По указу царя Федора Алексеевича, он сослан был 1681 года в Корельский Николаевский монастырь (где погребены дети Новгородской посадницы Марфы Борецкой) за то, что звоном своим в полночь испугал царя. На нем вылита следующая надпись: «лета 7182 июля в 25 день, вылит сей набатный колокол Кремля города Спасских ворот, весу в нем 150 пудов». К этой надписи прибавлена другая, вырезная «7189 года, марта в 1-й день по именному великаго государя царя и великаго князя Федора Алексеевича всея великия и малыя России самодержцу указу дан сей колокол к морю, в Николаевский-Корельский монастырь за государское многолетнее здравие и по его государским родителям в вечное поминовение неотъемлемо при игумене Арсение».[5]

По свидетельству старожилов, у другого набатного колокола, который висел на башне Спасских ворот после первого колокола и который теперь хранится в Оружейной палате,

по приказу Екатерины II был отнят язык за то, что он во время Московского бунта в 1771 году сзывал народ: в таком виде он висел до 1803 года, когда был снят с башни и поставлен под каменным шатром у Спасских ворот вместе с большими пушками. По сломке шатра, он был сперва помещен в арсенал, а потом в Оружейную палату: на нем находится следующая надпись: «1714 года июля в 30 день вылит сей набатный колокол из старого набатного же колокола, который разбило, Кремля города ко Спасским воротам, весу в нем 108 пуд. Лил сей колокол мастер Иван Маторин».

Вот что находим о набатном колоколе в статье Г.В. Есипова:[6] в 1803 году стены и башни Московского Кремля во многих местах начали разваливаться и Московская Кремлевская экспедиция озаботилась их исправлением, главноуправляющий Кремлевскою экспедицею П.С. Валуев, командировал чиновника в набатную башню с приказанием снять осторожно колокол и сдать его в экспедицию для хранения в кладовой, впредь до исправления башни. Когда сняли колокол и хотели его везти в кладовую, явился офицер с солдатами и

заявил, что комендант приказал оставить колокол на площади, и поставил к нему двух солдат. Сконфуженный чиновник донес Валуеву об аресте колокола. Валуев отличался непомерным самолюбием и послал к коменданту чиновника, который на словах заявил ему, чтобы он немедленно возвратил колокол. Комендант потребовал письменного объяснения. Валуев не замедлил такое послать, и немного резкое.

Комендант нашел тон письма, да и самое требование немного оскорбительным и пожаловался московскому главнокомандующему графу Салтыкову. Главнокомандующий тоже, вероятно, не совсем довольный тем, что Валуев обратился к коменданту помимо его, в тот же день уведомил Валуева, «что он находит действия коменданта совершенно законными и просит в подобных случаях обращаться к нему, главнокомандующему, и содержать коменданта в том внимании, какого он заслуживает по отличному усердию и исправности, в толиколетнем прохождении важного служения своего оказанными».

Валуеву стало понятно, что сделал ошибку,

погорячился, и что главнокомандующий может довести об этом до высочайшего сведения, а главнокомандующий и Валуев, как два медведя в берлоге, жили не в ладу, и Валуев решил искать покровительства в любимце императора, Трощинском, мимо которого в случае жалобы графа Салтыкова дело это не могло пройти.

«Опасаясь, что главнокомандующий представит о деле своим манером на высочайшее усмотрение, доношу вашему высокопревосходительству (писал Валуев к Трощинскому), яко единственному благодетелю, о встретившейся неприятности от коменданта и главнокомандующего, душащими меня непомерно пустыми отношениями.

По понятию моему о пользе казны и славе моих государей, истребил я, без огласки, прошедшим летом два застенка, яко памятники времен жестоких и бесчеловечных, употребляя из оных материалы на исправление древностей, заслуживающих быть сбереженными в позднейшие времена и что этим оправдал я ваше покровительство, снискал всеобщую жителей московских эстиму и заслужил мо-

наршее благоволение. Руководствуясь таким же подвигом, *спрятан у меня давно язык известного колокола, служащего возвестителем всех возмущений стрелецких и возмущения во время чумы в царствование Екатерины Премудрой*».

После такого напоминания о своих заслугах, оказанных государю и отечеству и московским жителям, Валуев в письме к Троцинскому рассказывает, как комендант арестовал колокол и оставил его под караулом на площади, «где прохожие, может быть, делают о том разные толки и заключения, а главнокомандующий, не осмотрев места и не расспросив о том у меня, пишет ко мне отношение, которое я оставил без ответа, как для избежания дальнейших историй, так и потому, что ответствуя, обязан бы я был объяснить его сиятельству, что колокол, им уважаемый, есть памятник зол российских, заслуживающий быть забыт всеми благомыслящими отечества сынами, памятник бесславия покойного отца его, который, будучи главнокомандующим, от чумы и возмущения укрылся в подмосковную, за что и был отставлен, и дана

преемнику его инструкция, в которой упомянуто о его побеге».

Изливши свою злость на главнокомандующего и даже на его покойного отца, Валуев принялся за коменданта:

«Комендант говорит, что без начальства колокола отдать не может. Буде колокола принадлежат к военной дисциплине и аккуратности, почему же не воспрепятствовать мне прошедшим летом разбирать колокола на башнях Спасской и Троицкой?

Обязан я был объяснить ему (главнокомандующему), что в моем чине, служба непорочно 50 лет, разуместь я должен, кому какие давать уважения, не погрешая против коменданта, о котором он сам отзывался, что он пьяница и знает только службу капральскую».

Вступив на дорогу сплетней и злоречия, Валуев не остановился на самых ничтожных мелочных объяснениях Салтыкова и коменданта:

«Злоба коменданта происходит от того, что не удовлетворяются его пустые требования о снабжении его дома невероятным числом дворцовыми мебельями, о набитии льдом его

погребов и проч. и проч., понеже дом его не в ведомстве экспедиции; злоба главнокомандующего от неблагорасположенных ко мне окружающих его зятя Уварова и правителя канцелярии Карпова». Как ни старался Валуев в глазах Трощинского, который мог донести эти сплетни и выше, очернить коменданта и главнокомандующего, не постыдившись даже по случаю колокола вызвать тяжелые воспоминания фамилии графов Салтыковых о поступке одного из них семейства во время чумы в Москве 1771 года, как ни льстил Трощинскому разными подобострастными и лакейскими фразами, но граф Салтыков остался цел и невредим и 28 мая 1803 года сообщил Валуеву, что государь император повелеть высочайше соизволил: «Набатный колокол сохранять навсегда на своем месте (т. е. на той башне, где он висел), в случае же починки башни сохранять колокол в надежном месте до исправления ее, а по исправлении опять вешать на свое место».

Валуеву осталось, впрочем, утешение, что в решении ничего не было упомянуто о спрятанном им языке от колокола.

Кроме *набатных*, были еще колокола *вестовые*, они существовали в старину, в Сибири и во многих пограничных городах южной и западной России. Ими давали знать о приближении неприятеля к городу. Вечевые колокола у нас были в Новгороде и Пскове, и, как надо полагать, последние не отличались большим весом. Еще в начале XVI столетия во всей Новгородской области не было колокола более 250 пудов весом. Так по крайней мере говорит летописец, упоминая о колоколе «Благовестнике», слитом в 1530 году ко святой Софии повелением архиепископа Макария: «Слить бысть колокол вельми велик, яко такова величеством не бывало в великом Новгороде и во всей Новгородской области, яко страшной трубе гласящи».

Красными колоколами называли такие, которые имели звон красный, т. е. хороший, усладительный, веселый, красные колокола – то же, что красивые, благополучные. В Москве, в Юшковом переулке, существует церковь святителя Николая «У красных колоколов»; этот храм более чем два века славился своим «красным звоном». Есть в Москве

еще другой храм, за Неглинною, на Никитской улице, известный под именем «Вознесенье хорошая колокольница».

Но лучшие по тону колокола в России – это в Ростовском соборе. Колокольня этого храма замечательна своим устройством и музыкальными звонами колоколов. Звоны там названы по именам учредителей: Ионин, по имени митрополита Ионы Сысоевича, который с 1652-го по 1691 год в течение 39 лет правил митрополиею Ростовскою; особенно хороший, как говорят знатоки, принадлежал архиепископу Георгию Дашкову, правившему Ростовом уже по уничтожении митрополии с 1718 года по 1731 год, Иоакимовский, по имени архиепископа Иоакима, 1731–1741 годы. Колокола висят в линию и различаются весом: первый в 2000 пудов, второй в 1000, третий в 500 и т. д., до 20 пудов и менее. Всех колоколов тринадцать. Звонари становятся так, что могут видеть друг друга и соглашаться в такте. Это одно из условий гармонии. Митрополит Платон приезжал слушать эти звоны и хотел учредить у себя такие же в Вифании. Но ему сказали: «Дайте такую же колокольню и

такие же колокола». Исторические ростовские колокола: *Сысой, Полиелейный, Лебедь*, [7] *Голодар*. [8] *Баран, Красный, Козел и Ясак*.

Пленные колокола имеются на колокольнях многих наших церквей; особенно богаты ими Петербургская губерния, отчасти Москва и затем Сибирь. Из замечательных шведских старинных колоколов один находится в Петербурге за Невской заставой на Фарфоровом заводе, весом в тридцать пудов, с латинскою надписью: «SoLi Deo gloria. Gloria in excelsis Deo. Me fundebat anno 1686[9] Holmiae Misael. Bader». По рассказам одних, этот колокол найден был в земле при постройке каменной церкви, на месте которой в старину стояла шведская кирка. По другим преданиям, он был взят в плен от шведов императором Петром Великим. Между колоколами Москвы пленных имеется тоже несколько. Замечателен там один *полиелей* [10] с буквами Е. Г. и сбивчивою надписью: «Espoir en tout... de se cloche es Chonaem st tas en fraci». Этот древний колокол висит на колокольне церкви св. Николая, в Юшковом переулке.

В Красноярске, на соборной колокольне,

имеется один колокол, исписанный какими-то восточными письменами. По преданию, он взят из Буддийского храма, по другим рассказам его нашли лет пятьдесят тому назад при разрытии одного кургана в Минусинском селе.

Во время войны царя Алексея Михайловича с Польшею в Сибирь было послано много пленных поляков и литовцев, а с ними отправлены и колокола. Некоторые из пленников привезены были даже в Енисейск. Но война с Польшею кончилась, и вследствие Андрусовских договоров, по царскому указу пленники, одушевленные и неодушевленные, потянулись обратно в свои прежние места. Впрочем, нет сомнения, что как многие из литовцев и поляков добровольно остались в Сибири и после поступили то в городские, то в линейные казаки, так и колокола, по крайней мере некоторые, не возвратились на родину.[11]

Ссылных колоколов, кроме известного Углицкого, что висит в городе Тобольске, существует тоже несколько; по большей части они присланы в отдаленнейшие монастыри бла-

гочестивыми, но гневными царями.

Помимо Углицкого колокола, в Сибири известны еще *царские* колокола, жертвованные царственными особами. Так, в Сибирь к разным церквям прислано немало колоколов Борисом Годуновым.[12] Потом жертвовали к сибирским церквям и в монастыри цари Алексей Михайлович, Федор Алексеевич и Петр с Иоанном. Из этих колоколов три в 160, в 130 и 40 пудов, литые первый – в 1682 году, а два последние – в 1678 году и присланные в 1680–1684 годах, по сие время в целости существуют в Тобольске, на колокольне Софийского собора. Был на этой колокольне и 4-й царский колокол в 110 пудов, пожертвованный к собору царем Алексеем Михайловичем в 1651 году, но он растопился во время пожара, бывшего в 1688 году.

Кроме того, царских колоколов сохраняется один в Турханском монастыре, в 50 пудов, присланный Алексеем Михайловичем в 1660 году; и затем есть еще четыре колокола в Кондинском монастыре, присланные туда в 1679 году царем Феодором.

Золоченые колокола имеются, кажется,

только в городе Таре, в Сибири, при церкви Казанской Божией Матери. Их там шесть: все они небольшие от одного до сорока пяти пудов. Вызолочены они тарским мещанином Семеном Можайтиновым по следующему случаю. Любимый брат этого мещанина, бью по торговым делам степи, попался в плен к киргизам; брат, узнав об этом, дал обет, что если пленник благополучно возвратится из плена, то он позолотит колокола. Брат вернулся, и горячность братской любви заставила выполнить данный обет. По другим рассказам, колокола вызолотил Можайтинов из любви к церковному благолепию.

Лыковые, как и *корноухие* колокола, тоже принадлежат к опальным и ссыльным. Лыковые колокола, это ранее разбитые и затем связанные лыком. Один из них имеется, как мне передавал С.В. Максимов, в одном из монастырей Костромской или Вятской губерний; он прислан сюда из Москвы царем Иоанном Грозным...

Лучшие колокольные заводы находятся в Москве, но есть также в Костроме, Валдае, Воронеже, Петербурге, на Урале – в Тагиле, и в

Сибири – в Енисейске. Московские заводы на Балкане славятся около трех столетий; самые древние из них – Самгина и Богданова; последний замечателен тем, что большая часть больших московских колоколов отлиты на нем. Древний Царь-колокол отлит там же, мастером Маториным, от которого завод перешел к Слизову, от него – к Калинину, а от последнего в 1813 году – к М.Г. Богданову, который отливал и поднимал сам на Ивановскую колокольню нынешний московский большой колокол в четыре тысячи пудов. Московские заводы настолько хорошо делают колокола, что заказы получают из самых отдаленнейших мест Сибири и из-за границы. Медь для колоколов употребляется лучшего качества, иногда старый колокольный лом. Для расплавки 100 пудов меди сжигается до трех сажень дров, для тысячи пудов – не менее десяти сажень, для 10 000 пудов – до 30 сажень. Когда медь совершенно расплавится, к ней прибавляют минут за пять или за десять до отливки известное количество олова, полагая его 22 фунта на каждые сто фунтов меди, тщательно размешивая медь. При отлив-

ке некоторые из присутствующих, благоговейно крестясь, бросают в растопленную массу серебро, принося этим посильную лепту; другие же полагают, что от этого звон будет чище.

Отливка колокола сопровождается на Руси особенною церемониею. Хозяин завода до начала литья приносит в мастерскую икону, зажигает перед нею свечи, и все присутствующие молятся. Хозяин сам читает вслух особую, соответственную случаю молитву, а мастера и рабочие ее повторяют. После этого все двери затворяют, и хозяин дает знак начинать дело. Несколько рабочих проворно и ловко берут наперевес рычаг и, раскачав его, пробивают в плавильной печи отверстие пода, откуда тотчас же огненным ключом вырывается расплавленная медь. В это время нужны все искусство и ловкость рабочих для того, чтобы медь лилась ровно, исподволь, по мере ее вливания в форму, и не переполняла бы желоба; в противном случае она тотчас же выступает из него и половина ее выльется на землю, а если ее не останется хоть на половину ушей колокола, вся работа пропадает, и коло-

кол надо вновь переливать. При литье колоколов обыкновенно литейщики распускали какой-нибудь самый нелепый слух.

На эти колокольные рассказы, известные под именем «литье колоколов», не раз полиция обращала внимание и брала с заводчиков подписки и делала им строгие внушения. Но с литьем колокола этот освященный веками обычай снова восставал в самой нелепой форме. Так из таких разблаговещенных рассказов в Москве обратил всеобщее внимание один, о котором упоминает А. П. Милюков в своих воспоминаниях. «Однажды на Покровке венчали свадьбу, и когда священник повел жениха и невесту вокруг аналоя, брачные венцы сорвались у них с головы, вылетели из окон церковного купола и опустились под наружные кресты, утвержденные на главах церкви и колокольни. Слух этот настолько был силен в Москве, что к церкви съезжались экипажи в таком количестве, что проходу не было – нежные сердца к этому добавляли, что жених и невеста были родные брат и сестра и что они этого не знали – и что только чудо не допустило греховного брака».

Другой такой же дикий и нелепый слух, пущенный литейщиками, повествовал следующее. Дело было зимою в трескучие морозы. Рассказывали, что генерал-губернатор накануне большого праздника, кажется, Николина дня, давал бал, на который приглашено было полгорода. Дом горел огнями. Всю ночь продолжались танцы, и вот, во время полного разгара удовольствий, при громе бальной музыки, раздался с Ивановский колокольни первый удар благовеста к заутрене. При этом торжественном звуке люстры и канделябры в губернаторском зале в одну секунду погасли, струны на инструментах лопнули, стекла из двойных рам, звеня, попадали на улицу, и в страшной темноте волны морозного воздуха хлынули на обнаженные шеи и плечи танцующих дам. Раздался крик ужаса. Испуганные гости бросились толпою к дверям, но они с громом захлопнулись и никакие усилия не могли отворить их до тех пор, пока не кончился в Кремле благовест. К этому поэтическому рассказу добавляли, что в большой зале найдено несколько замерзших и задавленных, и в том числе сам хозяин праздника.

По отливке колокол оставляется в земле иногда несколько дней, до тех пор, пока совершенно остынет.

После того, как колокол остынет, его отрываю́т осторожно, снимаю́т с него, или лучше разбиваю́т, ко́жух и перено́сят в то́чильню. Там его обтачиваю́т то́чилами – и вся работа ко́локольного-литейного дела́ кончена. Когда колокол совсем готов, призыва́ется священник для «чина освящения́ кампана». В молитве, читаемой при освящении колоколов, церковь мо́лит о ниспослании особенной благодати, влива́ющей в кампан силу, «яко услышавше вернии раби глас звука́ его – в благочестии и вере укрепятся и мужественно́ всем дьявольским наветам сопро́тиво стану́т... да утоля́тся же и утиша́тся и приста́нут нападаю́щие бури ветряны́я, грады́ же и вихри и громы́ страшны́е и молнии злорастворения́ и вредны́е возду́хи гласом его́» и проч.

Народная мудрость так охарактеризовала колокол в старинной загадке: «Выду́ я на го́й, го́й, го́й, и ударю́ я го́й, го́й! Разбу́жу ца́ря в Москве, коро́ля – в Литве, ста́рца – в келье́, дитю́ – в колы́бели, по́па – в терему́».

Главное достоинство колокола состоит в том, чтоб он был звонок и имел густой и сильный гул; последнее зависит от относительной толщины краев и всего тела. Если, например, края слишком тонки, то колокол выйдет звонок, но при лишней тонине звук его будет дробиться, напротив, при лишней толщине звук будет силен, но непродолжителен. В звуке колокола нужно различать три главных отдельных тона: первый звон есть главный, самый слышный тон, происходящий тотчас же после удара; если звон густ, ровен, держится долго и не заглушается другими побочными тонами, то колокол отлит превосходно. Такой тон зависит от математически правильной и соразмерной толщины всех частей колокола и происходит от дрожания частиц металла – главнейше, в средней его трети. Второй – гул, который хотя происходит тотчас же за ударом, но явственно слышится спустя несколько времени. Гул распространяется не так далеко как звон, но держится долее его в воздухе, и чем он сильнее, тем колокол считается лучшим; гул происходит от дрожания частиц металла в краях колокола, или, вернее, в

нижней его трети; оттого-то чем толще края его, тем гул сильнее, хотя от излишней толщины их он разносится не так далеко. Третий тон есть тот, когда колокол не звонит, не гудит, а звенит. Это звененье происходит от дрожания частиц металла в верхней трети колокола; звук этот довольно неприятен, он тем слышнее, чем толще дно и верхняя треть колокола и чем массивнее его уши. В небольших колоколах звук сливается с звоном и потому едва слышен, и то вблизи, но в больших он довольно силен и пронзителен; так, например, в московском большом колоколе в тихую погоду он слышен версты за две и не заглушается звоном всех окружающих колоколов. Для устранения или по крайней мере для уменьшения его, верхнюю треть колокола и дно его стараются делать как можно тоньше, обыкновенно вдвое или втрое тоньше краев. Если размеры колокола правильны и пропорция меди и олова математически точна, тогда звук колокола, происходящий от сочетания трех главных тонов, достигает необыкновенной чистоты и певучести. Такие колокола весьма редки. Из них по красоте звука извест-

ны только два знаменитые колокола, – это воскресный Симоновский в Москве и большой Саввино-Сторожевский в Звенигороде. В Симоновском колоколе 1000 пудов, лил его «мастер Харитонка Иванов, сын Попов, с товарищем Петром Харитоновым, сыном Дурасовым, в лето от создания мира 7186, а от Рождества Бога Слова 1677, месяца сентября 30-го дня при державе благочестивого великого государя царя и великого князя Феодора Алексеевича». «Слияся же сей колокол, – как гласит на нем надпись, – во главу и во славу Бога всемогуща в едином существе в трех лицах суца, и в честь родившия воплощенно слово; сей колокол состроен на Симонов, в обитель Успения Божия Матери, да гласом созывает во храм его верных, хвалу Ему о благах всяческих даяти, и о нуждах молитвы теплы проливати».

Знаменитый колокол Саввино-Сторожевского монастыря весит 2425 пудов 30 фунтов – отлит мастером Григорьевым в 1667 году, сентября 15-го дня. Кроме превосходного звука, он замечателен и по двум надписям, из которых верхняя состоит из шести строк, окружа-

ющих колокол и отлитых старинным русским письмом, ясно сохранившимся и до сих пор. В ней упомянуты все особы царского семейства с полным их титулом и вселенские патриархи: Александрийский, Антиохийский и Московский.

Другая же, нижняя надпись, окружающая колокол тремя строками, состоит из криптографического или тайного письма, употреблявшегося у нас в XVII столетии иногда в дипломатических переписках, а иногда для записывания более или менее важных предметов, которые хотели скрыть от современников и сохранить для потомства. В письме этом с первого взгляда буквы кажутся славянскими, но, между тем, каждая из них до того изменена какою-нибудь чертою, точками или другими знаками, что делается совершенно непонятною; в этих чисто русских иероглифах значение имеют особенные титла.

Криптографическая надпись с этого колокола в первый раз была списана историком Миллером и напечатана библиотекарем Академии наук Бакменстером, но оставалась неразобранною до 1822 года. Разобрали надпись

археологи Скуридин и А.И. Ермолаев.

Есть предположение, что эту надпись утвердил сам царь; литейщик не посмел бы составить такую надпись из неизвестных знаков, которые тогда могли бы истолковать «за чародейство». Колокол слит на средства самого царя, и государь из набожности не желал, чтобы это было известно современникам при его жизни.

Искусство звонить в колокола зависит от большого навыка; звонят в них на два манера: раскачивают или язык, «ли самый колокол; последний способ употребителен только на Западе, но некогда он существовал и у нас, как существует еще в некоторых польских костелах, например, в Киеве. Звон с раскачиванием самого колокола гораздо гармоничнее и приятнее. От сильного и частого звона звонари нередко глохнут, но, чтобы сберечь слух, многие из них кладут в уши круглые ягоды, например, рябины, калины и клюквы; другие затыкают уши просто ватой. В женских обителях женщины-звонарихи звонят с открытым ртом. Нигде нет такого большого звона, как в России, впрочем, и в Англии известны

хорошие звонари. У нас хороший звон зависит от искусного перебора шести, семи, а иногда девяти и даже тринадцати колоколов, с соблюдением довольно ровного такта, зависящего от более или менее частых ударов в большой колокол. В этой колокольной музыке нет ни духовных гимнов, ни молитв; а между прочим, было время, когда у нас в некоторых церквах звонили по нотам, выражая, например, „Господи, помилуй“, „Святой Боже“ и проч.; об этом говорят изустные предания стариков-старожилов. Отец Аристарх Израилев, протоиерей в Рождественском монастыре в городе Ростове, описал замечательнейшие и оригинальнейшие звоны ростовские, носящие имена *Сысоевского*, *Акимовского*, *Егорьевского* и двух будничных. Он определил их научным образом и положил на ноты. Подобные сведения об акустических работах о. Израилева напечатаны в трудах отделения физических наук Императорского Общества любителей естествознания. Т. I. Отд. 2.

Царь Феодор Алексеевич любил звонить в колокола. Великий Суворов, живя в своей деревне, тоже забирался на колокольню и пере-

званивал на удивление духовных лиц и прихожан своего села Кончанского. Современная Англия по искусству звонить не имеет соперников во всем свете. Там издавна существуют так называемые общества любителей колоколов; древнейшее и замечательнейшее из этих обществ – Кумберландское в Норвиче, где звонарное искусство доведено до величайшего совершенства. Кроме Норвичского общества, в Англии не менее замечателен клуб звонарей в Лондоне, который также задает задачи колокольной музыки, выдает иногда за них огромные премии. Затем и другие города, как, например, Вестмерланд, Кембридж, Оксфорд, Бирмингем и другие имеют также звонарей-артистов, нередко дающих колокольные концерты, состоящие не в том, чтобы выполнить какую-нибудь ораторию, а просто чтобы прозвонить на пяти, шести или более колоколах всевозможные сочетания ударов, которые только можно получить при известном числе колоколов. Так, например, в 1796 году члены клуба звонарей в Вестмерланде собрались на колокольную церкву св. Марии, в Кондоле, звонили три часа и двадцать минут и сделали

В это время на семи колоколах всевозможные сочетания числа 7, т. е. 5 040 ударов, нисколько притом не отставая от хронометра. В Бирмингеме подобный концерт продолжался восемь часов и 15 минут и в это время сделано было с такою же хронометрическою точностью 14 224 удара.[13]

Колокола на Западе издревле пользовались большим уважением. У католиков существовал даже обряд крещения колоколов, причем были восприемник и восприемница, и колоколу, как новорожденному, давалось имя. Церковные колокола по указу французского короля Генриха IV запрещено было покупать, но дозволялось приобретать их в виде мены. Размер колоколов также подвергался цензуре. Так, например, монастырям строго запрещалось иметь такие колокола, которые бы заглушали приходские. Иностранные колокола часто украшались надписями, в которых по большей части колокол говорит о себе. Слог надписей всегда краток и важен. Так, например, на Шернборнском колоколе в Англии, подаренном городу кардиналом Вольсеем надпись гласит следующее: «Дар Вольсеев

Я измеряю время для всех и призываю людей к веселью, печали и в храм». Надпись на Шафгаузенском большом колоколе: «Vivos voco, mortuos plango, fulfura frango», т.е. «живых призываю, об умерших плачу, молнию сокрушаю». Эта надпись так понравилась Шиллеру, что он взял ее в эпиграф своей «Песни о колоколе». На большом Парижском колоколе при церкви Notre-Dame de Paris выбита надпись следующего содержания: «Слаблю истинного Бога, сзываю народ, собираю клир церковный, оплакиваю усопших, прогоняю заразу, украшаю празднества», внизу выбита другая: «1683 года Флорентин де Гей... градоначальник Парижский вылил меня». Самым большим колоколом в Западной Европе считается соборный в Руане, весом в 900 пудов. За ним следует венский, в церкви св. Стефана, отлитый в 1711 году императором Иосифом из пушек, взятых у турок в 1683 году при осаде Вены; вес его 885 пудов, в языке 33 пуда, раскачивают его 12 человек. В первый раз он зазвонил в 1712 году, при торжественном въезде императора Карла VI в Вену. После него, берлинский, отлитый в 1497 году, на-

званный при крещении Maria Gloriosa (Славная Мария); вес в нем 690 пудов, на колоколе надпись: «Славною хвалою воспеваю святых и укрощаю молнию и злых демонов, созывая звуком народ во храм для священного песнопения. Герард Иван Компейский отлил меня в лето от воплощения Господня в 1497 году». Но замечательный из всех по звуку – это эрфуртский. Затем идут колокола страсбургский и бреславльский; в первом весу 20 400 фунтов, во втором – 500 пудов. По величине славятся колокола китайские и японские, весьма древние. В Миако, возле главного храма Будды, висит огромный медный колокол, который весит 5000 пудов, в Пекине колокола в три и четыре тысячи пудов – не редкость. Но самый большой колокол в свете это наш московский Царь-колокол.

В половине XVI века, на месте колокольни Ивана Великого стояла церковь Иоанна Листвичника и при ней висел небольшой Царь-колокол,[14] весом в тысячу пудов, отлитый во времена опричнины Иоанном Грозным. При царе Алексее Михайловиче, в 1654 году, на место его был слит другой, уже гораздо боль-

ший колокол, весом в 8000 пудов. Предание говорит, что т. к. никто не брался поднять его, то он остался без употребления до 1688 года, когда уже решился поднять его механик-самоучка – царский привратник. Колокол этот висел подле Ивановской колокольни, но в пожар 1704 года, июня 19-го, от жару или пролившейся на него воды он треснул. В 1731 году его сняли, а в 1734 году, по повелению Анны Иоанновны, приказано было к нему прибавить еще тысячу пудов весу, причем предполагали приделать к Ивану Великому особую меньшую колокольню для этой громады. Графу Миниху, сыну фельдмаршала, императрица поручила снести с славным тогда золотых дел мастером и членом Парижской Академии наук Жермешо. Миних пишет в своих записках: «Сей художник удивился, когда я объявил ему о весе колокола, и сначала думал, что я шутил, но, уверившись в истине предложения, составил план, где до того увеличил трудность работ и стоимость их, что императрица отказалась от их планов». Артиллерии колокольных дел мастер Иван Федоров Маторин взялся за работу и не поду-

мал испугаться, когда колокол определено было вылить в 12 000 пудов. Устроили в Кремле литейную яму, между Чудовым монастырем и Иваном Великим, и Маторин принялся за дело. Ему отпустили 14 124 пуда и 29 фунтов меди, считая с старым колоколом, и тысячу пудов олова. Работа оказалась сначала неудачна. По перевесу после того, металла принято 14 814 пудов 21 фунт, олова отпустили еще 498 пудов 6 фунтов, что все вместе составило 15 312 пудов 24 фунта. Медь, прибавленная к старому колоколу, привезена из сибирских заводов; в ней оказалось серебро и золото, оттого колокол и отличается беловатым цветом; по испытаниям, сделанным в 1832 году, в нем нашли: на один пуд меди $1 \frac{35}{96}$ золотника золота и $31 \frac{3}{96}$ золотника серебра. По другим исследованиям, содержание золота и серебра в колоколе втрое против показанного количества.

В остатке после вторичной, уже счастливой отливки, оказалось металла 2985 пудов 8 фунтов, следовательно, вылитый колокол весил 12 327 пудов 19 фунтов.[15]

Его подняли над ямою и повесили на осо-

бых подмычках. Страшный пожар в 1737 году, в Троицын день, начавшийся от забытой копеечной свечки, зажженной пред образом женою Марьею Михайловою, в доме отставного прапорщика Александра Милославского, опустошил Москву и Кремль. Колокол упал с обгоревших брусьев в ту яму, где лили его, и при падении ли вышиблен был из него край от удара, или от того, что, желая потушить огонь в яме, лили в нее воду, он треснул и из него вывалился большой кусок, таким образом к употреблению он уже не годился.

Императрица Елисавета Петровна хотела опять перелить его. Смета, ей представленная, в 107 492 руб. 47 ³/₄ коп. (прежнее отлитие, кроме металла, стало 62 008 руб. 9 коп.) показалась ей слишком большою, и исполин остался в своей яме. Много было потом относительно его проектов: в 1770 году архитектор Форстенберг брался припать к нему отшибленный край, в 1797 году поручили механику Гирту составить план вынудия колокола из ямы; в 1819 году генерал Бетанкур поручал архитектору Монферрану осмотреть и описать его; потом велено было осмотреть его ин-

женерному генералу Фабру. Император Николай I, узнав о новоизобретенном способе починки колоколов, предполагал вынуть колокол, починить его, построить для него особую колокольню и повесить его на ней. Но громадные размеры колокола заставили отложить такое намерение. Между тем он безобразил Кремлевскую площадь своею обширною ямою. Царь-колокол лежал в глубокой яме напротив Чудова монастыря, над ямою был настлан деревянный помост с подъемной дверью, от которой ключи хранились у звонарей Ивановской колокольни. Любопытные спускались смотреть колокол в подземелье по крутой деревянной лестнице, вслед за проводником, который шел вперед с зажженным фонарем. В 1836 году велено было вынуть колокол и поставить на гранитном пьедестале подле колокольни Ивана Великого. Монферран приступил к этой работе и после одного неудачного опыта 23 июля, в 43 минуты, двадцатью воротами, колокол был поднят из ямы, а 26-го поднят на пьедестал, где он и теперь находится. Наверху его утвердили позолоченное яблоко с крестом, а внизу, на мраморном основании, поставили медную плиту с надписью.

морной доске, надпись золотом: «Колокол сей вылит в 1733 году, повелением государыни императрицы Анны Иоанновны, пребывавал в земле сто и три года и волею благочестивейшаго государя императора Николая I поставлен лета 1836, августа в 4-й день».

Надпись на пьедестале сочинена архитектором Монферраном, и в ней сделаны две существенные ошибки. Первое: колокол вылит не в 1733 году – указ сенату о литье его последовал 26 июля 1730 года. В январе 1734 года, сенатская контора доносила, что болван и кожух колокола окончены и испрашивали позволения обжигать и приступать к литью, следовательно, он вылит, в 1734 году, но первая его отливка была неудачна и его отлили вторично уже в 1735 году. Затем: колокол пробыл в земле не 103 года. Пожар московский происходил в 1737 году, когда Царь-колокол упал, а вынули его в 1836 году, – следовательно, он пробыл в земле 99 лет.

На Царь-колоколе находятся две надписи: до настоящего времени впервой из них явственно сохранилось только несколько слов, а в другой – ни одного; верный печатный спи-

сок с этих надписей помещен в «Горном журнале», 1833 года, т. I. Вот эти надписи; первая: «Блаженные и вечнодостойныя памяти великаго государя царя и великаго князя Алексея Михайловича, всея Великия и Малыя и Белыя России. Самодержца повелением, в первособорной церкви Пресвятыя Богородицы честнаго и славнаго ея Успения, слит был великий колокол, осмь тысяч пуд меди в себе содержащий, в лето от создания мира 7162, с Рождества же по плоти Бога Слова 1654; из меди сего благовестить начали в лето мироздания 7176, Христова же Рождества 1668 и благовестил до лета мироздания 7208, Рождества же Господня 1704 года, в которое месяца июня 19-го дня, от великаго, в Кремле бывшаго пожара, поврежден; до 7239 года от начала мира и Христа, в мир Рождества, прибыв безгласен». Вторая надпись: Благодетивейшия и Самодержавнейшия Великия Государыни Императрицы Анны Иоанновны, Самодержицы всея России повелением во славу Бога в Троице славимаго в честь Пресвятыя Богоматери, в первособорной церкви славнаго Ея Успения, отлит колокол из меди прежняго осмь тысяч

колокола пожаром поврежденного с прибавлением материи двух тысяч пуд, от создания мира в 7242, от Рождества же во плоти Бога Слова 1734, благополучного ея величества царствование в четвертое лето».

Колокол украшен наверху изображениями московских чудотворцев, а посередине – особ императорской фамилии; из них императрица Анна Иоанновна изображена во весь рост; но ясно вышли только голова и корона. Высота колокола с пьедесталом 34 фута, высота самого колокола 20 футов 7 дюймов, ширина в отверстии 22 фута 8 дюймов. Форма колокола очень красивая, отшибленный край лежит подле пьедестала.[16]

Самый большой колокол в Москве на колокольне Ивана Великого, называемый *Успенский* или *праздничный*, ударом в который дается начало торжественному звону всех московских церквей в великую ночь перед Пасхой. Весом колокол четыре тысячи пудов – он перелит в 1819 году из старого, упавшего в 1812 году, при взрыве Кремля французами. До переливки он весил 3355 пуд 4 фунта. Старый был отлит в 1760 году мастером Слизовым по

приказу императрицы и, как говорит предание, был много лучше нового. На колоколе изображены Спаситель, Богородица, Иоанн Предтеча, Успение Богоматери и Петр и Алексей, митрополиты Московские, а под святыми – изображение императора Александра I и всей августейшей фамилии. На старом же колоколе были изображены те же святые с портретами Петра I, Екатерины I, Елисаветы, Петра III, Екатерины II и Павла I.

При подъеме этого колокола случилась следующая история, наделавшая в то время много шума в Москве. Еще до подъема митрополиту Серафиму донесли, что построенная мастером Богдановым каланча для подъема на колокольню Ивана Великого большого отлитого им колокола крайне непрочна, да и брусья на колокольне ненадежны. Слухи эти были настолько распространены в народе, что митрополит просил военного генерал-губернатора назначить архитектора для освидетельствования каланчи и колокольни. Назначенные губернатором графом А.П. Тормазовым чиновники подтвердили эти слухи, найдя постройку каланчи и брусьев ненадеж-

ною. Но Богданов стоял на своем и ручался за прочность. Такая уверенность Богданова расположила митрополита в его пользу, и преосвященный дал ему позволение поднять колокол. В назначенный для подъема день митрополит Серафим приехал в Успенский собор. Площадь была покрыта несметным количеством зрителей. Вдруг митрополиту докладывают, что Богданов сидит на крыльце и горько плачет. Весть эта Серафима крайне встревожила: ему показалось, что Богданов отчаивается в успехе, он приказывает позвать подрядчика и узнает от него, что тот плакал потому, что ему мешают. Преосвященный, успокоив Богданова, идет и освящает колокол по церковному чиноположению и затем благословляет поднимать его, колокол пошел очень ходко и ровно вверх и уже был на половине высоты, как вдруг раздаются со всех концов крики: «Иван Великий шатается, каланча падает!» К этим крикам присоединяются еще крики женщин и детей, кинувшихся бежать, — паника и теснота сделались ужасные! Обер-полицмейстер А.С. Шульгин не потерял присутствия духа и бросился в толпу,

уверяя, что это выдумки мошенников. Народ, видя, что каланча не упала и Иван Великий стоит, понемногу пришел в порядок. Богданов во время этой суматохи не растерялся и, как и прежде, стойко управлял действиями многих воротов, посредством колокольчика и палочки с навязанным на ней платком и все время умел держать работников на своих местах и своею расторопностью отвратил большую беду. Но так как полиции на площади оказалось немного и боялись, чтобы карманные мошенники опять не произвели беспорядка, то преосвященный и распорядился приостановить поднятие колокола и объявить народу, что он будет поднят завтра. После этого толпы народа стали расходиться, и когда народу на площади осталось немного, то Богдановском командовал рабочим продолжать поднятие, и через несколько минут колокол был поднят на колокольню благополучно. В день поднятия колокола Михаил Гаврилович Богданов был приглашен к столу митрополита. За обедом Серафим спросил Богданова:

– Ну! если б я не согласился позволить тебе поднять колокол и послал бы бумагу спро-

силь об этом в Петербург, что бы ты сделал?

– Я уже решился, – отвечал Богданов. – Я бы ночью привез колокол и поднял его потихоньку своими работниками.

Рассказывают, что несколько минут до поднятия колокола известный тогда иностранец-архитектор из сожаления к Богданову упрашивал его бросить это дело, доказывая ему невозможность поднять такую тяжесть, но Богданов ему отвечал: «Приходи завтра звонить в колокол».

В так называемой Филаретовой пристройке находятся еще три замечательных исторических колокола, всех же колоколов на этой колокольне – двадцать девять. Самый большой из колоколов это *Рвут* или *полиелейный*, как он назван по указу 1689 года патриарха Иоакима. На нем следующая надпись: «Божиею милостию повелением великаго государя, царя и великаго князя Михаила Феодоровича, всея России Самодержца, и по благословению по плотскому рождению отца его государева, а по духовному чину отца и богомольца, великаго господина и святейшаго патриарха Филарета Никитича, московскаго и всея Рос-

сии, слит сей колокол в соборной церкви Успения Пречистыя Богородицы и великих чудотворцев Петра, Ионы, лета 7130(1622), делал колокол пушечный мастер Андрей Чехов».

В этом колоколе, как полагают, до 2000 пудов *Реут* замечателен тем, что при взрыве Кремля в 1812 году у него только отбило уши, которые впоследствии очень искусно вделали, колокол от этого не изменился в тоне. Этот колокол замечателен еще тем, что во время звона в него к присяге императора Александра II он упал в самый низ, причем пробил три каменных свода, два деревянных пола и чугунную лестницу. Колокол не повредился – только пострадали уши. Теперь в него не звонят, боятся за вделанные дважды уши.

Вседневный назван так тем же патриархом Иоакимом в 1689 году, слит он первоначально в 1652 году мастером Емельяном Даниловым и имел весу 998 пудов 30 фунтов; но так как он оказался впоследствии треснувшим, то императрица Екатерина II приказала в 1782 году перелить его мастеру Якову Завьялову. Теперь он, как свидетельствует на нем

надпись, весит 1017 пудов 14 фунтов.

Воскресный или *семисотенный* отлит в 1704 году Иваном Материным, вес его 798 пудов.

Из замечательных других колоколов в нижнем ярусе висят; перелитый в 1775 году из древнего новгородского (1501 год) *Медведь*; вес его 450 пудов. Другой колокол носит название *Лебедь*, весом 475 пудов, отлит в Москве в 1532 году; он перелит в 1775 году с сохранением прежнего веса и формы. Кроме надписи, на нем видны иностранные слова «*Nikiwas obracer, 537 год*».

Затем из исторических колоколов есть еще один, под названием *Новгородский*. Надпись на нем следующая: «Лета 7064 (1556) месяца сентембрия 8-го дня на честное Рождество Пресвятыя Богородицы, в царство Ивана Васильевича, при пастве митрополита Макария всея России, повелением преосвященнаго Пимена архиепископа Новгорода и Пскова, а мастера Михайлова слит бысть сей колокол в богоспасаемый великий Новгород ко святой соборной церкви Софии Премудрости Божия». На этом колоколе наверху находится и другая

надпись, из которой видно, что он перелит в 1730 году и весу в нем 420 пудов.

Полагали одно время, что этот колокол и есть знаменитый *Вечевой* новгородский, но это неверно, последний, как мы выше уже говорили, поступил на переливку для «набатного» московского колокола.

Широкий слит в 1679 году, весу в нем 300 пудов. Затем в этом же ярусе помещаются колокола: *Слободский* в 309 пудов, перелитый в 1614 году из старого *Слободского*; далее *Ростовский*; из надписи на нем видно, что он лит в 1687 году в Белогостинный монастырь находившимся в ростовской епархии мастером Филиппом Андреевым.

В среднем ярусе из старинных колоколов висит *Новый* или *Успенский*, вылитый в 1651 году, после него *Безыменный* с иностранною надписью. Затем идут *Даниловский* 1678 года, по преданию вылитый в городе Переяславле-Залесском, «Глухой» 1621 года; потом «Корсунский», называется этим именем потому, что перелит из старого корсунского, по повелению Иоанна Грозного, в 1559 году, мастером Нестором Ивановым Псковитиновым.

Есть еще колокол, называемый *Безымянным* и *Марьинский* со следующей надписью: «Лета 7176 (1663 год) марта в 23-й день вылит сей колокол в церкви Преподобной Марии Египетской по душах блаженныя памяти боярина Бориса Ивановича Морозова, да по жене его боярыне». Там же висят еще пять других колоколов «переборные»; на одном из них надпись, свидетельствующая, что колокол приложен 1697 года стольником Ляпуновым в Коломенскую его отчину село Троицкое.

В верхнем ярусе находится еще десять колоколов. Из них историческое значение имеют только четыре, два так называемых *Корсунских зазвонных*; цвет они имеют беловатый и звук самый резкий, полагают, что в них много серебра. Колокола эти вывезены в Москву, как думают, одним из митрополитов греческих в то время, когда Москва заступила место Киева и была убежищем гонимых турками греков. В 1775 году колокола эти перелиты вновь. Третий колокол «Арсенева» с следующей надписью: «Лета 7193 (1685) марта в 13-й день сей колокол по стольнике Федоске Осиповиче Арсеневе в Соловский уезд, в

Новгородской стан, в вотчину стольника Дмитрия Федосеевича Арсеньева, село Покровское к церкви Покрова Богородицы с прочими угодниками, при священнике Киприане Кириллове сыне, дал сей колокол стольник Дмитрий Федосеевич Арсенев». Четвертый колокол боярина Феодора Ивановича Шереметева, отлитый в 1620 году.

Нелишним считаем прибавить, что на колокольне Ивана Великого всех ступеней считается 409, и в старину у колокольни читали царские указы громогласно, «во всю Ивановскую», как тогда говорили.

Колокола Троице-Сергиевой лавры: Большой, Годунов, Карноухий, Лебедь и Переспор. – Колокола Киевской лавры: Успенский и Балык. – Исторические колокола Новодевичьего монастыря. – Переливка колоколов на пушки. – Тобольский большой колокол Демидова. – Колокол амстердамского литья. – Углицкий ссыльный колокол и его история. – Замечательные колокола Софийского собора. – Старые новгородские колокола и Осадный вечерной колокол города Пскова. – Муромский колокол князя Воротынского. – Казанский колокол в городе Полтаве. – Шведские колокола в Финляндии. – Замечательные колокола в Петербурге

Одной из первых по колоссальности колоколов считается колокольная Свято-Троицкой Сергеевой лавры под Москвой. На этой

колокольные всех колоколов с часовыми 34. Главный из них весом в 4000 пудов, он перелит был в 1746 году по именному указу Елисаветы Петровны на средства монастыря из старого разбитого лаврского колокола весом в 3319 пудов. Второй колокол, «*Годунов*» сделанный вкладом бывшего царя Бориса Феодоровича Годунова, весом в 1850 пудов. Третий, *Корноухий* весом в 1275 пудов, литый 1684 году монастырскою казною. Четвертый, *Лебедь* весом в 625 пудов, вкладом конюшего боярина Бориса Феодоровича Годунова. Пятый, *Переспор* весом в 315 пудов 28 фунтов, лит в 1780 году.

В Киевской лавре нет ни очень больших, ни очень старых колоколов. Самый большой колокол здесь *Успенский* весом 1000 пудов, а самый старый Балык вылитый в 1719 году, всех же колоколов – десять.

По величине замечательны колокола также на колокольные храма Спасителя в Москве; всех их с небольшими четырнадцать штук; отлиты они на заводе московского купца Н.Д. Финляндского; вес в них 4008 пудов 39 фунтов, стоимость 88 184 руб. Из них самый

большой колокол *Торжественный* весом 1654 пуда 24 фунта.

В Москве, в Новодевичьем монастыре, есть несколько колоколов, имеющих историческое значение. Старейший из них колокол «малый зазвонный», отлитый в 1551 году при царе Иване Васильевиче и архиепископе Макарии. На втором, отлитом в 1628 году, мая 3-го, находится следующая надпись: «Дал сии колокол в дом Пречистой Богородицы Смоленской в Новодевич монастырь князь Алексей Иванович Воротынской по кнегине Марие князя Ивана Михайловича Воротынского, по кнегине Марие Петровне, по своей матери и по своих родителях». Третий отлит, как гласит надпись «Лета 7138 (1630), апреля в 13-й день при великом государе царе и великом князе Михаиле Федоровиче всея Руси самодержце в его государские державы в 17 лето и при благоверном царевиче и великом князе Алексее Михайловиче всея Руси и при великом господине святейшем патриархе Филарете Никитиче московском и всея Руси, поставила сей колокол мати государя царя и великаго князя Михаила Федоровича всея Руси

инока великая государыня старица Марфа Ивановна, в дом Пречистые Богородицы, Новодевич монастырь по своей душе; игуменье с сестрами, которые в том монастыре будут за тот наш вклад душу мою в синадики написать, по вся дни поминати».

Четвертый, иностранного дела, с надписью: «*Me fecit Daventris a 1673 Henryck. Thor. Horst Amor vincit omnia*», т. е. «меня сделал в Девентере 1673 года Генрих Тор Горст. Любовь все побеждает». На наружной стороне этого колокола двуглавый орел, на груди которого изображен в клейме конь без всадника, похожий на единорога.

На пятом – следующая надпись: «Божиим изволением сии колокол поставили стрельцы Темирева приказу Засецкаго 500 человек великому чудотворцу Николе, что на горках за Москвою рекою».

На шестом колоколе надпись: «Слит сей колокол на Москве в дом Пречистые Богородице Одигитрие, чудотворные иконы Смоленския, Божию милостию повелением благовернаго государя царя и великаго князя Алексея Михайловича в Новодевич мона-

стырь что за посадом, лета 7159 (1651) году сентября в 1 день, а деньги здавали вкладчики по обещанию. Мастер Микифор Баранов. Весу в сем колоколе 200 пудов».

Интересен седьмой колокол: «Лета 7192 (1684) месяца августа 3 дня сей колокол вылит в похвалу и славу и честь Богу в Троице славному и Пресвятей Богородицы и всем святым в дом ея Пресвятыя Богородицы явления иконы Смоленския Одигитрия, нарицаемый Новодевичей монастырь, повелением благочестивейших, великих государей наших царей и великих князей Иоанна и Петра Алексеевичей всея великия и малыя и белыя России самодержцев общими же с ними великими государями изволением и согласием сестры их государския великия государыни, благоверныя царевны и великия княжны Софии Алексеевны всея великия и малыя и белыя России, понеже она, государыня, того святого дома на давных лет строительница, а ныне наипаче имеет прилежное попечение к устроению, как от всех видимо. Весу в нем 540 пудов. Лил сей колокол мастер Феодор Маторин».

Восьмой колокол с точно таким же титу-

лом и надписью, почти слово в слово, только лил последний колокол мастер Михаил Лодыгин и вылит он был 1 декабря 1688 года.

Судьба многих исторических колоколов в Москве решилась во время войн Петра Великого с шведами. До этого государя в древней столице считалось сорок сороков церквей, а другие насчитывали их более двух тысяч, из которых по крайней мере половина была приходских, и при каждой были колокола. В 1700 году после неудачи русских под Нарвою Петру Великому кто-то из приближенных к нему иностранцев, указал на непомерное множество колоколов как в Москве, так и в других городах. Петр приказал лить разные крепостные и полевые орудия из тех колоколов, которые признаны будут лишними. И в тот же год зимою из них было отлито сто больших пушек, 143 полевые пушки, 42 мортиры и 13 гаубиц. Распоряжение царя вызвало почти общее неудовольствие. Вот что по этому поводу рассказывает С. Григоров[17] о так называемых в народе *Непокорных колоколах*, которые сопротивлялись указу царя. Русские люди, видевшие в колоколах украшение

своих церквей, дорожили ими, и поэтому изыскивали всевозможные способы, чтобы не отдать своих колоколов на литье пушек, при этом, конечно, дело не обошлось и без чудес. Приводим здесь рассказ Гаврилы Тверитинина об одном из таких чудес, списанный С. Григоровым с рукописи под № 432, находящейся в библиотеке Петербургской Духовной академии.

«Я и сестра моя Ирина, – пишет Гаврила Тверитинин, – в 1701 году были у Троицы-Сергиева монастыря, тогда от великого государя царя Петра Алексеевича был указ везде в городских монастырях и в Москве и у всех приходских церквей брать колокола и от всего звону четвертую долю меди веса на пушечный двор на литье пушек, и в том Сергиевом монастыре также, а в монастыре колоколов 26 было. Архимандрит и братия его великого государя указу противиться не смели и колокола с колокольной сымать повелели. Вечером некоторые указали снять один старинный колокол, весу в нем того не знали, а гласом был глух и не ярок, но за поздностью оно не сняли. Монастырь ночью кругом запирался и

всегда, также и тою ночью, был заперт, наутро же архимандриту звонарь донес, что того колокола на колокольне нет, и братия не ведала, как и где он делся. Архимандрит же, услышав об этом, повелел везде искать по кельям у братии и в погребах, и когда нигде не могли обрести (занеже ему чудотворцу отдать сего не изволися), тогда архимандрит Ларион повелел другой снять, также весу в нем не ведая и тот снять повелел и разбить и медь свезти в Москву. Когда колокол сняли, человек, чтоб разбить оный, ударил по колоколу молотом, но колокол от того удара не расшибся, но начал глас от него трои сутки день и ночь непрестанно». Вследствие этого «архимандрит и того колокола не велел везти к Москве, а повелел сымать два другие колокола нонешнего мастерства, но сих колоколов не могли снять никоими делами». В то время, когда «архимандрит и братия, боясь указа государева, с ужасом смотрели на сии колокола, колокола же сии два братьеника вдруг сами собой с колокольни соскочили, пали и стены обломили». Безвестный колокол в это время также отыскался за монастырем в пруде: «Во

время тое на монастырь в погреб лед возили и уши оттого колокола видели, а потом его от воды того пруда взяли». Обо всем этом донесли Петру, который, по уверению Гаврилы Тверитинина, хотя «в монастырь приходил, плакал и прощения просил у чудотворца Сергия о своем соизволении, однако колокола два братьеника повелел везти в Москву, где оне в литье пушечного дела не пошли и не испорчены, потому что медь была жестка, в дело негожа, и доныне те колокола стоят на пушечном дворе целы, как и были».

Число колоколов в Москве в настоящее время далеко превышает количество трех тысяч, а сколько их всех в России – трудно исчислить. Даже отдаленная Сибирь может похвастаться изрядным количеством их. Самый большой колокол там в Тобольском соборе, весит он 1011 пудов и 22 фунта и лит, как значится по надписи на нем, в 1738 году на Тагильском заводе тщанием митрополита тобольского Антония и иждивением дворянина Акинфа Никитича Демидова; звук его прекрасный и вид красивый. Кроме Тагила, в Сибири лили колокола еще в Тюмени и Енисей-

ске, но большей частью грубой отделки, небольшие и не особенно благозвучные. Сибирские колокола – преимущественно привозные и некоторые из них привезены из-за границы. Так, в Тобольске, в Богородицкой церкви, имеется один выписной из Голландии, надпись на нем гласит «te fecit Jan Albert de Grave Amstelodami Anno Domini 1719» (литя в Амстердаме Иваном де Граве в лето от Рождества Христова 1719-е).

Из привезенных в Сибирь колоколов в историческом отношении замечателен *Углицкий корноухий*, в который били в Угличе в набат по случаю умерщвления царевича Димитрия. Борис Годунов сослал изобличителей одушевленных в Пелым, а неодушевленного с отсечением уха в Тобольск в 1595 году. Этот неумирающий ссыльный висел сперва на Спасской колокольне, потом перемещен был на соборную и наконец в 1837 году, по распоряжению архиепископа Антония, снят оттуда и повешен подле архиерейского дома при крестовой церкви под небольшим деревянным навесом. Целью последнего перемещения было то, чтоб показать, если потребуется,

эту историческую достопримечательность посетившему в 1837 году Тобольск наследнику престола. В настоящее время углицкий колокол сзывает к богослужению; но до этого времени, когда он висел на соборной колокольне, в него отбивали часы и при пожарных случаях били в набат. Вес в нем 19 пудов 20 фунтов, он корноухий, т. е. с отсеченным ухом; это сделано было, как выше нами сказано, по приказанию Бориса Годунова. Звук у него резкий и громкий; надпись на нем по краям вырезана, а не вылита, она гласит: «Сей колокол, в который били в набат при убиении благоверного царевича Димитрия, в 1593 году, прислан из города Углича в Сибирь в ссылку в град Тобольск к церкви Всемилоственного Спаса, что на Торгу, а потом на Софийской колокольне был часобитный». Как склад надписи, так и форма букв новейшего времени.

В «Ярославских губернских ведомостях», в сороковых годах, было напечатано, что существует слух, будто этот колокол не настоящий углицкий, что углицкий по какому-то случаю разбился и его перелили, но ухо отсекали у

вновь отлитого потому, что так было у его первообраза. Но из этого слуха никакого точного вывода нельзя сделать. В бытность мою в 1882 году в городе Тобольске мне привелось лично видеть этот колокол; поверхность его, очевидно, очень старая, и от древности самая медь серого цвета, надпись же, несомненно, новейшая. При самом тщательном осмотре не найдется ни малейшего даже намека на то, что этот колокол не настоящий углицкий, а только перелитый из него, да и многовековая уверенность жителей не допускает ни малейшего сомнения в его подлинности. Притом и летописи, и предания тобольские говорят, что это действительно тот самый колокол, которым в 1591 году в роковой день 15 мая, в час послеобеденного сна, соборный сторож Максим Кузнецов и вдовый священник Федот, прозванием Огурец, встревожили мирный Углич, и что передаваемый «Ярославскими ведомостями» слух о разбитии и переливке его не заслуживает никакого вероятия и не может нисколько поколебать подлинности этого колокола.

В декабре 1849 года в Угличе возникла

мысль о возвращении сюда ссыльного колокола, местные жители в числе сорока человек обратились к министру внутренних дел графу Перовскому с просьбою об исходатайствовании им высочайшего разрешения для возвращения из Тобольска на их счет колокола. По докладу министром означенной просьбы императору, поведено: «Удостоверясь предварительно в справедливости существования колокола в городе Тобольске и по отношении с обер-прокурором просьбу сию удовлетворить». Министр вошел в сношение с обер-прокурором, и по предложению последнего Синод обратился с вопросом о колоколе к тобольскому архиепископу Георгию. Из ответного на этот вопрос сношения преосвященного Георгия оказалось, что в Тобольске при крестовой Святодуховской церкви тамошнего архиерейского дома действительно находится корноухий колокол, слывший ссыльным, и что в сочиненной в Тобольске книге, под названием «Краткое показание о сибирских воеводах», есть известие о присылке, в 1593 году, в Тобольск в ссылку корноухого колокола, в который били в Угличе в набат при убиении

благоверного Димитрия-царевича. Затем Синод сделал предписание Ярославской духовной консистории «собрать самовернейшие сведения – не известно ли епархиальному начальству, или же духовенству города Углича, чего-либо положительного о том колоколе, о возвращении которого из Тобольска просят углицкие граждане». Вследствие этого и консистория, с утверждения тогдашнего архиепископа Ярославского и Ростовского Евгения, указом от 25 июля 1850 года, сделала подобное тому предписание углицкому духовному правлению. В этом предписании велено было обратить внимание и на архив правления; но так как хранящиеся в нем бумаги восходят не далее 1740 года, то, разумеется, он и не мог послужить никаким документом по вопросу о колоколе. Не оказалось также и по разысканию углицкого духовенства ничего относящегося к этому вопросу и при тамошних церквах. Но за всем тем некоторые лица из означенного духовенства выставили на вид местное предание, свидетельствующее о ссылке углицкого набатного колокола в Тобольск, и известия об этом же обстоятельстве,

находящиеся в «Древней российской вифлиофике» Новикова, в «Истории государства Российского» Карамзина и в «Памятниках московской древности» Снегирева. Преосвященный Евгений, донося об этом Синоду, прибавил, что епархиальному начальству «ничего положительного об означенном колоколе неизвестно».

Синод, рассмотрев приведенные углицким духовенством сведения о колоколе, нашел их точно так же, как и сообщенные архиереем Георгием, неудовлетворительными, и в определении своем, подписанном 11 мая 1851 года, объявил, «что сими сведениями не подтверждается мысль, что сей колокол есть тот самый, которым возвещено было в Угличе убийство царевича Димитрия, и что, вероятно, мысль сия уже поколеблена в понятиях самих углицких жителей известием, напечатанном в „Ярославских губернских ведомостях“ 1850 года, № 5». Этим и окончилось дело о возвращении колокола. В 1888 году в Угличе опять возникло в среде граждан дело о колоколе, и в Петербург приезжал выборный от Городской думы господин Соловьев хлопо-

тать о возврате его из города Тобольска, и, как слышно, в 1892 году колокол будет уже в Угличе.

В Новгороде, на колокольне Софийского собора, имеется несколько исторических больших колоколов. Самый большой из них вылит в 1660 году, в царствование Алексея Михайловича. Лил его софийский домовый мастер Ермолай Васильев.

Вседневный лит тоже в Новгороде, на деньги новгородского архиерейского дома, в царствование Феодора Алексеевича, в 1677 году, весом 300 пудов; лили мастера Василий и Яков Леонтьевы дети.

Интересны там еще два небольшие колокола, отлитые в 1566 году при царе и великом князе Иоанне Васильевиче, при церкви Вознесения Христова (которая уже не существует), находившейся в Прусской улице, усердием прихожан. Там находится еще небольшой колокол, литый в Тихвинский Введенский девичий монастырь, в 1637 году, женой одного гостя Ивана Юдина Ксениею Феодоровою для поминовения сына ее, Григория, и родителей.

В Новгороде древних колоколов немало с

надписями, как русскими, так и иностранными. Так, в Клопском монастыре есть два колокола XVI века один в 15, другой в 9 пудов; оба с одинаковою надписью: «Лето 7039 лит колокол сей обители Живоначальныя Троицы и чудотворца Николы и к Покрову Святыя Богородицы и святителю Михаилу, при благоверном и великом князе Василии Ивановиче всея Руси при архиепископе Великаго Новграда и Пскова владыке Макарье и при игумене Иеве».

В Хутынском монастыре *вседневный* колокол с надписью вверху и внизу: «Божиею милостию царя и государя вся Руси Владимирскаго и Московскаго и Новгородскаго, Псковскаго, Смоленскаго и Тверскаго, Югорскаго и Пермскаго, Вятскаго и Болгарскаго и иных, при державе царства благоверных и христоролюбивых и великих князей Василия Ивановича» и проч. При некоторой сбивчивости, с какою читается надпись на колоколе, видно, впрочем, что он устроен в последний год княжения Василия III.

В Знаменском соборе колокол с надписью, из которой видно, что он слит в Новгороде к

этому храму в 1554 году повелением и по завету преосвященного Пимена и всех православных христиан Великого Новгорода, «чтобы избавил нас Боги Пречистая Богородица православных крестьян (sic!) от смертоносных язвы и от напрасной смерти»; лил мастер Иван.

В Успенской церкви упраздненного Колмова монастыря есть два колокола, литые при Иоанне IV.

В Духове женском монастыре три колокола XVI века. Из них интересна надпись на одном, «который поставил в 1589 году в Новгороде, в монастыре Сшествие Святого Духа и Живоначальные Святыя Троицы, конюшей боярин Борис Федорович Годунов».

По надписям заслуживают внимания в Хутыньском монастыре три колокола конца XVII века.

В Спасо-Нередицкой церкви есть колокол с надписью, что он отлит при царе Феодоре в монастырь к Спасу Нередицы – «да в тот колокол Феодосей приказал по себе и по своих родителей. Лил мастер Тимофей новгородец».

К описанным колоколам XVI века можно

отнести небольшую металлическую кандию, находящуюся в ризнице Софийского собора. Она вроде небольшой чаши, вокруг поддона ее надпись: «Лета 779 (1541 год) поставил сию кандию в дом святому Николы на Боровно старец Андрей». При кандии небольшой железный язычок для ударения, которое совершалось в старину, например, во время чтения Евангелия в первый день Пасхи. В письменном уставе XVII века Софийского собора[18] на св. Пасху сказано: «И на всяком возгласе протодиаконове Евангелия ударяют в кугейнике по единоца в кандею и в вестовой колоколец». В «Древностях российского государства» (отд. I. № 76), кандия отнесена к числу трапезных чаш, в которую ударяли настоятели за братскою трапезою при перемене кушанья. В городе Ростове Ярославской губернии имеется одна такая кандия, носящая имя Ясак.

Почти во всех новгородских церквях имеются колокола XVII века с древними русскими, но есть колокола с польскими, латинскими и немецкими надписями. Так, в Борисоглебской церкви хранится колокол, на кото-

ром надпись: «Gloria in Exselsis Deo Anno 1636». В Воскресенской церкви на Мячине два колокола с одинаковою вылитую надписью на латинском языке по верхней части: «M. Kordt Kleiman me fecit». Другая одинаковая русская надпись на них вырезана внизу кругом: «Лета 7155 (1647) года; марта 1 дня при благоверном г. ц. и в. князе Алек. Мих. в. в и ли Р. самод. дали сии три колокола Великаго Новагорода церкви Всемилоствиваго Спаса Нерукотворенному образу у Новинских ворот... Бога молить, а по смерти за их души их поминать доколе сей св. церкви Бог благоволит по вере христиан стояти, а прием подписан в 177 (1669) году мая 1 дня».

В Клопском монастыре колокол в 50 пудов немецкого литья. На нем вверху кругом вылита готическая надпись: «Kleiman aus Lubeck hat mie gegosen, aus dem feur ain ich geflossen anno 1647», т. е. «Клейман из Любека лил меня; из огня разом я вылился 1647 года». Другая надпись вырезана пониже первой и после ее спустя семь лет: «Лета 7162 (1653) года ноября 29 день при царе государе и в. князе Алек. Мих. дал сей колокол весом в 50 пудов в Клоп-

ский монастырь Живоначальных Троицы и чудотворцу Михаилу государь дворянин Иван Лукин Лонежской». В новгородской Георгиевской церкви небольшой колокол с надписью: «Soli Deo, Assihus Koster me fecit Amstelodami 1671». В Никитской церкви два колокола с латинскими надписями; на одном: «1643 Gloria in Exselsis Deo», а на другом: «Аппо Domiani 1673 Al». В Приписной Феодоровской церкви на Торговой стороне колокол с латинскими надписями вверху около ушей: готическими немецкими четыре слова и год 1680. В Деревяницком монастыре есть колокол пятипудовый древней нерусской работы, на нем вылит сидящий на троне апостол Петр с ключом и с надписью над главою: S P T; повыше апостола вылита латинская надпись, к сожалению, почти сгладившаяся.

Город Псков имеет также множество старинных колоколов, но большая их часть без надписей; они сходны между собою, как и храмы этого древнего города.

На колокольне Псковского кафедрального собора двадцать два колокола, из которых самой большой, имеющий в диаметре $3 \frac{1}{2}$ ар-

шина, весом 600 пудов.

Одним из старинных колоколов считали во Пскове колокол в церкви св. первоверховных апостолов Петра и Павла (на бою), основанной в 1373 году. Колокол этот упал с колокольни в 1804 году и уничтожил даже придел в церкви во имя Знамения Пресвятой Богородицы.

В церкви св. Василия Великого (на горке), основанной в 1413 году, находился некогда *осадный* колокол. Этот колокол во время приближения неприятеля давал знать об этом псковичам своим звоном.

Во Пскове существовал, как и в Новгороде, свой *вечевой* колокол, но в воскресенье утром, 13 января 1510 года, в последний раз ударили в этот колокол, вместе с покорностью псковичей московскому царю; колокол был спущен с колокольни св. Троицы и свезен на Светогорское подворье, в подвал церкви Иоанна Богослова, при общих слезах псковичей о своей старине и утраченной ими воле. 26 января 1510 года, вместе с тремястами семейств псковичей, вечевой колокол был отвезен в Москву князем Михаилом Даниловичем Щенятевым.

При отъезде же самого великого князя из Пскова он взял с собою и другой любимый псковичами, колокол называвшийся *Корсунским*, взамен которого уже в 1518 году прислал им к соборной Троицкой церкви большой колокол.

В Муромском уезде Владимирской губернии, есть село Мошка, в древности вотчина князей Воротынских. На колокольне этой церкви есть колокол с надписью, что он пожертвован в 1546 году князем Алексеем Ивановичем Воротынским. Колокол этот давно разбит; но народ бережет его как святыню, и каждый из стариков этого села во время Пасхи хоть один раз побывает на колокольне, чтоб ударить в разбитый колокол. Народное предание почему-то почитает этот колокол за святость.

Не менее замечательный колокол находится в Полтаве, в ограде соборной церкви. На нем следующая надпись:

*«В року тысяча шестьсот девять
десять пятом,
По славном Кази-Кармене от хри-
стиан взятом,*

*За царство Росских царей Петра,
Иоанна,
За гетманство Мазепы, Богом да-
рована,
Сооружен есть звон сей к Божией
славе,
До храму Успения во граде Полта-
ве,
Из штук Кази-Керменских армат-
ных здобычных.
З придатками материй до звона
приличных,
Коштом его милости войск Пол-
тавских вожа
Павла Семеновича Украины во-
жа».*

Внизу: «делал Афанасий Петрович», под
ушами вокруг колокола «Року 1695 ноемвриа
дня 10»; направо от надписи – семиконечный
крест в сиянии, потом герб Герциков, в щи-
те – сердце (Herz) с четвероконечным равно-
сторонним крестом (так называемом грече-
ским), а сверху – из страусовых перьев выхо-
дящая рука с копьём, острием влево, и након-
ец, изображение Божией Матери, в рост с
предвечным младенцем на десной руке; воз-

ле, у главы Царицы небесной – херувимы, а внизу у самых ног – два ангела.

В брошюре Бучневича о Кази-Керменском колоколе неверно сказано, что упомянутое изображение представляет-де Успение (sic!) Богоматери, причем господин Бучневич опустил главное: по сторонам герба Герцика стоят вертикально буквы И. П. В. И. П., справа: Ц. В. З. П. С., т. е. их *пресветлых царских величеств войск запорожских*, etc...[19] Этот редкий памятник седой старины назначен к уничтожению по воле настоятеля Успенского полтавского собора – и в нынешнем году, в августе месяце, он привезен в Москву на завод господина Финляндского для отливки из него нового колокола. Управление Московского исторического музея поспешило сделать эстампаж с надписей на колоколе, а с остальных изображений – копии из гипса.

Неужели, в самом деле, не нашли никаких средств спасти от гибели этот замечательный колокол?

5 июня 1890 года в городе Харькове на колокольном заводе П.П. Рыжова состоялась отливка царского колокола из серебра – коло-

кол предназначен для Успенского кафедрального собора. В первом ярусе колокольни устраивается из железа раковина, в которой и будет висеть колокол; благовест его будет раздаваться ежедневно в час крушения императорского поезда близ станции Борок. Этот колокол имеет 17 пудов 35 фунтов чистого серебра и незначительное количество меди и олова, необходимых для сплава. Сооружение этого памятника-колокола состоялось по мысли архиепископа Амвросия на пожертвования, поступившие от духовенства и других сословий харьковской епархии. Царский колокол имеет аршин с четвертью высоты; на лицевой стороне его находятся вензелевые изображения имен их императорских величеств, а под ними расположены пять медальонов с надписями славянской вязью: Николай, Ксения, Георгий, Ольга и Михаил. На оборотной стороне надпись, кто соорудил колокол, а вокруг вала отмечено само событие, в ознаменование которого отлит колокол.

В православных наших церквах на Севере, и особенно в Финляндии, большая часть колоколов иностранного литья. Так, в Кекс-

гольмском соборе колокол вылит в Стокгольме и имеет следующую надпись: «Аппо 1649 Gloria in Excelsis Deo. Duxett Gottes Holf. m Kurken Pudensen me fecit Stochotmen. Qvis contra nos, si Deus pro nobis».[20] В Сердобольске, в Петропавловской церкви, точно такой же шведский колокол с надписью: «Soli Deo Gloria, anno 1680. Gloria in excelsis; me funderat Holmiae» (Стокгольм).

В 72-х верстах от Петербурга, в селе Рождестве, в бывшей вотчине царевича Алексея Петровича, имеются два исторических колокола: первый из них – дар царя Феодора Иоанновича, в 1588 году – взят он из новгородского Антониева монастыря в 1713 году; второй – иностранный, с следующей надписью: «Laudo Deum, populum solo. En ego campana nungam denuncio vana. Congrego devum (?)Anno dom 1619 iuni. Iosephi Henrici Ledio fusa in Limingo».[21]

Самый большой колокол в Петербурге на колокольне Исаакиевского собора, вес его 1860 пудов 23 фунта, кроме языка, который особо весит 49 пудов 29 фунтов; всех же колоколов одиннадцать; общий вес их 4349 пуд. 14

фун., стоимость 62 029 руб. 89 коп. Все они отлиты в С.-Петербурге валдайским колокольным мастером Иваном Макаровым Стуколкиным.

На Петропавловском соборе всех колоколов четырнадцать; самый большой из них 209 пудов. Но замечательными здесь являются часовые колокола, которых 38 различной величины; на каждом из этих колоколов имеется литая надпись на голландском языке, вес в них 16 506 фунтов, вес в молотках 1843 фунта. В Казанском соборе замечательны первые четыре колокола, бывшие на колокольной церкви Рождества Богородицы. Первый большой, *праздничный*, вылит в 1796 году мастером Антипом Дмитриевым, весу в нем 264 пуда 13 фунтов; второй колокол *полиелейный*; лил его в 1762 году алдерман Константин Слизов в Петербурге, весу в нем 129 пудов 25 фунтов; третий *повседневный* вылит февраля 9-го 1762 года тем же мастером, весу в нем 61 пуд 18 фунтов; он разбит и не употребляется. Четвертый колокол вылит в Петербурге «1734 года, ноября 30-го, лил его комиссар Семен Леонтьев» разбит и тоже без употребления.

На Смольном соборе большой праздничный колокол, весом в 607 пудов, лил валдайский мастер Смирнов в Петербурге; третий *полюлейный* лил мастер Константин Слизов в Москве в 1757 году, вес его 240 пудов 5 фунтов. В Симеоновской церкви большой колокол, весом в 267 пудов 17 фунтов, лит в городе Валдае, в 1821 году. На Спасосенновской колокольне всех колоколов пятнадцать: главный из них весом в 542 пуда 18 фунтов; вылит в Москве в 1780 году января 20-го на заводе Ясона Струговщика; язык при нем железный в 17 пудов 5 фунтов; надпись следующая: «Ассесора Саввы Яковлева к церкви Успения Пресвятой Богородицы, что на Сенной». Существует предание, что при жизни Саввы Яковлева, очень тщеславного человека, вышедшего из крестьян Тверской губернии, звонили в этот колокол только тогда, когда он это дозволял, и будто бы язык к чему-то прикреплялся особую цепью, которую Яковлев запирает замком, а ключ держал у себя и выдавал его, когда хотел. Другой колокол, *Богородичный*, в 274 пуда 26 фунтов отлит в 1780 году. Более других древен колокол *повседневный* в 78 пудов 32 фун-

та, отлитый в 1762 году ко дню возвращения Екатерины II из Москвы, после коронации. В заключение следует еще сказать о двух колоколах, которые в Невской лавре. Первый, самый большой, висит на северной башне в числе других колоколов, вес в нем 800 пудов; он вылит в 1658 году иждивением известного патриарха Никона и перевезен сюда из Иверского монастыря в 1724 году. Другой колокол на южной башне *полиелейный*, весом в 200 пудов. Всех колоколов в Петербурге насчитывается более 1500 штук, из числа которых едва ли треть будет прошедшего столетия.

В нынешнем году за границей изобретен инструмент, цель которого заменить колокола; название ему *кодонофон*. Новый инструмент имеет вид шкафа. В нем помещается несколько десятков труб, по которым ударяет особенный молот. Говорят, что по силе звука кодонофон не уступает самым мощным настоящим колоколам.

Примечания

О колоколах в Киеве упоминается в 1171 г.
См.: ПСРЛ Т. 1 С. 100.

[^^^]

Церковная летопись в Синодике XVIII в.

[^^^]

3

Государи российские после коронования своего входили сюда показаться народу, собиравшемуся на Красной площади.

[^^^]

См.: Снегирев И.М., Мартынов А. Русская старина в памятниках церковного и гражданского зодчества М., 1848.

[^^^]

См.: Щекатов А., Максимович Л.М. Географический словарь Российского государства, сочиненный в настоящем оного виде Ч. 1–7. М., 1801–1809.

[^^^]

См.: Исторический вестник. 1881. № 2. С. 418.

[^^^]

По словам отца Израилева, Лебедем этот колокол назван потому, что эта птица при помощи трубчатого устройства дыхательного горла своего производит громкий звук, подавший повод к сказке о Лебединой песне.

[^^^]

8

Назван так потому, что в него благовестят в Великий пост.

[^^^]

9

Слава единому Богу, Слава Всевышнему, Меня
отлил в 1686 году... (лат.)

[^^^]

Колоколом полиелейным называется такой, в который благовестят в большие праздники. Слово «полиелей» греческое и означает «многომилостивое».

[^^^]

См.: Словцов П.А. Историческое обозрение Сиби-
бири. М. 1838. Кн. 1. С. 198.

[^^^]

См.: грамоты, помещенные в Сибирской истории Миллера (Миллер Г.Ф. Описание Сибирского царства. Пер. с нем.) Кн. 1. СПб., 1750, Гл. 6–8 2-й части печатались под загл. «Сибирской истории» в «Ежемес. соч. и изв. о ученых делах». 1764. Т. 20.

[^^^]

См.: Московские ведомости. 1850.

[^^^]

Впоследствии этот колокол был перелит с добавлением еще меди и повешен на пристройке к Ивану Великому, назван он был «праздничным»; в него ударяли три раза с большою расстановкою по смерти царя или кого-нибудь из его семьи, а также по смерти патриарха.

[^^^]

15

Для отливки этого колокола употреблено было одного кирпича 1 214 000! Из этого числа на одну печь пошло 330 000, на основание и под лицо 300 000 и на утрамбовку внутри болвана и снаружи кожуха 250 000!..

[^^^]

Известный знаток колоколов, протоиерей Израилев, как мы слышали, считает возможным перелить Царь колокол, дать ему гармонический тон и поднять на колокольную. На это, как он предполагает, надо будет затратить не менее 50 000 рублей. За последнее время было в газетах напечатано несколько проектов починки Царя-колокола.

[^^^]

См. Исторический вестник. 1880. № 8. С. 796.

[^^^]

См.: Макарий (Миролюбов Н.К.). Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях//Соч. архим. Макария. М., 1860. Ч. 1-2.

[^^^]

И так далее (лат.).

[^^^]

Кто против нас, если Бог за нас (лат.).

[^^^]

Хвалю Бога, народ утешаю, Мой колокол никогда не звонит напрасно. Я общаюсь с Богом (?). Год 1619, июнь. Йозеф Ледью лил в Лимино (лат.).

[^^^]